

В. А. Шаповалов, С. П. Шаповалова
**«МУЖИК — ДУРАК: ТЫ ЕГО КУЛАКОМ, А ОН ТЕБЯ ТОПОРОМ»:
УГРОЗЫ ПОМЕЩИКАМ В КРЕСТЬЯНСКИХ
ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

УДК 398.91(470)

ББК 82(2)-411

В статье проведен анализ народных пословиц и поговорок XVII–XIX вв., содержащих в себе угрозы в адрес помещиков, в контексте исследования социопсихологического антагонизма в русской деревне. Содержание данных пословиц и поговорок отражает стремление крестьян разорвать «оковы» крепостничества, их надежды на лучшую долю, социальную справедливость. При этом четко просматривается желание крестьян свести счеты со своими господами, даже если в недалеком будущем за это их будет ждать расплата. Часть пословиц-угроз, вероятно, появилась в разбойничьей среде. Пословицы и поговорки, содержащие угрозу в адрес помещиков, являются ценным самостоятельным источником для исследования эволюции социальной психологии русского крестьянства, особенно при изучении мотиваций агрессивного поведения крестьян в ходе антипомещичьих бунтов или разбойных нападений.

Ключевые слова: *народные пословицы и поговорки, угрозы, боярин, помещик, крестьянство, фольклор*

«Пословица не мимо молвится, а если она не мимо молвится, то и стоит того, чтобы поговорить о ней. В ней скажется много, о чем мы, по отношению к мужику, не думали, не гадали; скажется, что мужик кое-что и понимает не хуже тех, так называемых образованных людей, для которых с понятием о сермяге соединяется что-то не совсем приятное, не совсем приличное и подчас положительно грубое, а пожалуй, и глупое. Постараемся доказать, опираясь на пословицы, что мужик сознает свое человеческое и гражданское значение и прекрасно понимает, что цена ему не грош, а немного побольше», — писал в 1880-х гг. педагог, публицист и беллетрист И. Д. Белов.¹ Обращаясь к крестьянскому фольклору, следует

также учитывать замечание известного русского фольклориста В. Я. Проппа: «Легко впасть в ошибку, полагая, будто фольклор непосредственно отражает социальные, или бытовые, или иные отношения. Фольклор, в особенности на ранних ступенях своего развития, — не бытописание... действительность передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, и это мышление настолько отлично от нашего, что многие явления фольклора бывает очень трудно сопоставить с чем бы то ни было... Поэтому мы иногда тщетно за фольклорной реальностью будем искать реальность бытовую». При этом «массив фольклорной культуры ни в коей мере несводим к вторичному отражению, но ограниченно и непосредственно включен в бытие и столь же материален и первичен, как, скажем, возделывание плантаций».² Согласно комментарию Б. Н. Путилова, «мы вправе говорить, по крайней мере, о двух концептуальных положениях, противостоящих господствовавшей еще недавно тенденции — рассматривать фольклорные факты в прямолинейной обусловленности соответствующими фактами социального порядка».³

¹ Белов И. Д. Народный ум в пословицах и поговорках // Ист. вестн. 1885. Т. 19. С. 375.

Шаповалов Владимир Анатольевич — д.и.н., профессор кафедры истории России и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Шаповалова Светлана Петровна — к.и.н., доцент кафедры истории России и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)
E-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. М., 1976. С. 26, 27.

³ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 63, 64.

Пословицы и поговорки — это укоренившиеся в разговорной речи образные изречения и выражения. Различие между ними заключается в том, что пословица — это суждение, грамматически законченное предложение (чужими руками жар загребать легко), а поговорка лишь намекает на вывод (чужими руками жар загребать).⁴ Пословицы и поговорки складывались на протяжении многих поколений. Они в краткой форме выражают суть крестьянских представлений о событиях, явлениях всего спектра народной жизни.⁵ Можно сказать, это слепки народной памяти.

Пословицы-угрозы в адрес поместных дворян, как и пословицы, восхваляющие помещиков, являются самой малочисленной и менее всего изученной группой данного фольклорного жанра. Авторам статьи известно около восьмидесяти русских пословиц и поговорок о барине и мужике,⁶ но только десятая часть их содержит угрозу в адрес помещиков: «Мужик гол, а в руках у него — кол!», «Грози богатому, так и денежку даст!», «Бунт — не перца фунт, а живет горек»,⁷ «Были, были и бояре волком выли»,⁸ «Мужик — дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!», «Панов много таких — не перевешаешь и до Москвы»,⁹ Относительно первой из приведенных пословиц Л. Н. Пушкикарёв отметил: «Мы можем со всей определенностью сказать, что почти все фольклорные жанры того времени социально окрашены и оппозиционны феодальному насилию. Присущие крестьянскому фольклору скорбные мотивы, оплакивание горькой доли крестьянского люда, приводили в итоге к тому, что скорбь не только рождала ненависть, но и заставляла крестьян искать новые пути в борьбе за лучшее будущее».¹⁰

Близки по духу к пословицам-угрозам и пословицы, содержащие резко негативные пожелания барину: «Хвали рожь в стогу, а ба-

рина — в гробу», «Барская хворь — мужицкое здоровье»¹¹ (в сборнике М. А. Рыбниковой, составленном в конце 1930-х гг., приведены иные варианты этих пословиц: «Люби сено в стогу, а барина в гробу», «Господская болезнь — мужицкое здоровье»¹²). В некоторой мере идея возмездия присутствует и в таких пословицах: «И перед нашими воротами солнце взойдет», «Будет и на нашей улице праздник». Ожидание лучшей доли для крестьян в XVII–XVIII вв. предполагало угрозу расправы над помещикам-притеснителям. Просвещенной части дворянства социальная природа таких угроз была понятна, о чем можно судить по сатирическому стихотворению А. П. Сумарокова «О благородстве» (1774 г.):

Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком.
А если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский так же сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах! должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку
продать?¹³

Пословицы «Мужик гол, а в руках у него — кол!», «Мужик — дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!» могут датироваться как XVII–XVIII вв. (по мнению Л. Н. Пушкикарёва), так и первой половиной XIX в., когда накал и масштаб крестьянских выступлений был несравним с восстаниями С. Разина и Е. Пугачева, но, тем не менее, помещики повсеместно жили в страхе перед возможностью новой Пугачевщины.¹⁴ Эти пословицы-угрозы не обязательно отражали масштабные крестьянские восстания: они могли свидетельствовать о практике физических расправ крестьян над помещиками

⁴ См.: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 2007. С. 223; Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 235.

⁵ См.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 313.

⁶ См.: Шаповалов В. А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014. С. 489.

⁷ Пушкикарёв Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М., 1994. С. 61, 62.

⁸ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия). СПб., 1882. С. 114.

⁹ К воле: Крепостное право в народной поэзии. СПб., 1911. С. 156.

¹⁰ Пушкикарёв Л. Н. Указ. соч. С. 61.

¹¹ Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 91.

¹² Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 46.

¹³ Муза пламенной сатиры: русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. М., 1988. С. 51.

¹⁴ См.: Игнатович И. И. Крестьянское движение в России первой четверти XIX века. М., 1963.

в отдельных усадьбах. Так, с 1836 по 1853 гг. в Российской империи было убито крестьянами 117 помещиков и осуществлено 61 покушение на их жизнь.¹⁵ Такие преступления вызывали большой общественный резонанс и наполняли страхом сердца помещиков той или иной губернии. Иногда общественное мнение принимало сторону крестьян, осуждая зверства отдельных помещиков. Например, известно, что тамбовские помещики А. М. и Е. М. Кашкаровы в 1830–1850-е гг. избивали беременных крестьянок, секли нещадно крестьян, жгли им волосы и лица, помещица лично помогала мужу насилловать малолетних крестьянских девочек.¹⁶ Только вмешательство губернской администрации спасло эту семейную пару от крестьянской расправы. Готовность к убийству в подобных ситуациях социальные психологи объясняют «отчаянием обреченных» или «храбростью безнадежности».¹⁷ Возможно, именно в среде «безнадежно храбрых» крестьян и зародились вышеуказанные пословицы.

Следующие пять пословиц, с большой долей вероятности, относятся к событиям крестьянских восстаний XVII–XVIII вв.: в них подчеркивается непосредственное физическое и моральное воздействие на бояр и дворян. Пословица «Грози богатому, так и денежку даст!» может отражать не только конфискацию имущества помещиков восставшими крестьянами, но и нападение разбойничьих шаек на боярские и дворянские усадьбы. Российский правовед-криминалист Д. Г. Тальберг, специально занимавшийся вопросом «похищения имущества по русскому праву (разбой и грабеж)», применительно к Смутному времени указывал: «Разбой и вообще насилия над имуществом другого лица достигли чрезвычайных размеров; с первых дней своего существования русское общество много терпит от разбоев, борется с ними, но никогда оно не страдало так от этого зла, как в рассматриваемую эпоху. Постоянные разбои и заботы правительства об искоренении их проходят красною нитью через всю историю XVI–XVII вв. и составляют наиболее выдающееся и характерное явление времени». В этом же клю-

че исследователь характеризовал и XVIII в.: «Разбои в эпоху преобразований несколько не уменьшились... бегали солдаты — от тяжелой воинской службы, рекруты — от рекрутчины, помещичьи крестьяне — от утеснения помещиков, ямщики — от обременительной ямской повинности. Из этих бродяг составлялись шайки разбойников <...> В... 1710 году бьют государю челом Клинские, Волоцкие, Можайские и др. помещики о том, что “приезжают разбойники многолюдством со всяким боевым оружием и грабят села днем и ночью...” Пугачевский бунт, собственно говоря, в общих чертах тот же разбой, но в грандиозных размерах».¹⁸ Появление пословицы «Грози богатому, так и денежку даст!» можно отнести как к разбойничьей среде, так и к крестьянству, в фольклоре которого присутствует героизация разбойников — притеснителей богатых.¹⁹

Вероятно, в стане мятежников родилась и пословица «Чей день — завтра, а наш — сегодня». Специалисты датируют ее появление XVII–XVIII вв.²⁰ Содержание пословицы передает настроение восставших, осознающих себя «сегодня» вершителями судеб помещиков и чиновников, хотя и не исключая своего поражения «завтра». Взвзвешивая за оружие крестьяне упивались властью над господами, вымещая на них годами накопленное зло.

Особо следует остановиться на пословице «Были, были и бояре волком выли», напоминающей о моральных и физических мучениях помещиков и чиновников, угодивших в руки разъяренных повстанцев. Упоминание бояр в пословице позволяет отнести ее к XVII — началу XVIII вв. В то время в крестьянском сознании «боярин» выступал чаще всего не как высший чин среди «служилых людей по отечеству», а просто как помещик. В последующие десятилетия XVIII в. слово «боярин» трансформируется в «барин».²¹ Впрочем, это слово использовалось в устном народном творчестве на протяжении всего XVIII в., что подтверждает текст народной песни о Емельяне Пугачеве, иллюстрирующей, отчего было «боярам волком выть»:

¹⁵ См.: Материалы для истории крепостного права в России: извлечение из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836–1856 гг. М., 2010. С. 9–228. Подсчитано нами — В. Ш., С. Ш.

¹⁶ См.: Дубасов И. Елатомский помещик Кашкаров // Деревня и новая Россия. 1877. № 1. С. 127, 128.

¹⁷ Щербатых Ю. В. Психология страха. М., 2000. С. 227.

¹⁸ Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С. 66.

¹⁹ См.: Русские народные песни, пословицы, поговорки и загадки. М.; Л., 1941. С. 38–50.

²⁰ См.: Пушкарёв Л. Н. Указ. соч. С. 61.

²¹ Там же. С. 55, 56.

Судил тут граф Панин вора Пугачева.

— Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иванович,

Много ли перевешал князей и боярей?

— Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч...²²

Пословица «Панов много таких — не перевешаешь и до Москвы» может трактоваться, с одной стороны, как прямое указание на большое количество беспоместных дворян в русской деревне. Н. Л. Бродский поясняет смысл пословицы следующим образом: «Говорят насмешливо насчет шляхтичей, не имеющих крестьян и своими руками обрабатывающих землю».²³ С другой стороны, слова «не перевешаешь и до Москвы» могли указывать и на мелкопоместных дворян, в имениях которых эксплуатация крепостных крестьян достигала крайностей. На этом акцентировал внимание М. Е. Салтыков-Щедрин: «Непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурился, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным. У многих мелкопоместных мужик работал на себя только по праздникам, а в будни — в ночное время. Так что летняя страда этих людей просто-напросто превращалась в сплошную каторгу».²⁴ Вряд ли слова «не перевешаешь и до Москвы» можно трактовать лишь как простое указание на огромное количество мелких помещиков. В этом выражении, несомненно, содержится элемент угрозы.

Судя по пословице «Бунт — не перца фунт, а живет горек», крестьяне осознавали опасность восстаний для помещиков и, в целом, для крепостнических порядков. В рассматриваемую эпоху среди бояр и дворян укреплялось представление о крестьянах как о людях злобных, лишенных души, как о «двуногих животных». Это нашло отражение в дворянском фольклоре, в частности в пословицах: «Мужичья кость собачьим мясом обросла», «Из хама не будет пана», «Холоп на господина не доказчик».²⁵ Правда И. Д. Белов полагал, что первая пословица зародилась в крестьянской среде и адресована дворовым —

«лакеям»: «Свой человек делался не своим, мужик, да не тот, ибо лакейство, барская служба сказались на его природе».²⁶ Данная пословица представлена им наряду со следующими пословицами и поговорками: «Языком тарелку (барскую) проломил», «Поднос насквозь пролизал», «Уж виден холоп: серьга в ухе», «Хамово отродье», «Хамье — локало».²⁷ Но надо призвать, что она явно выбивается из этого ряда своей внутренней агрессией. В ней нет пренебрежения, высокомерия, что выражено в других пословицах, представленных автором в едином смысловом ряду. Она несет в себе заряд сословной ненависти, негативной экспрессии.

Применительно к концу XVII–XVIII вв. социальный диалог помещика с крестьянином можно назвать разговором глухого с немым. В большей части боярских вотчин и дворянских поместий крепостной и помещик представляли два социопсихологических антимира со своими взглядами, понятиями о добре и зле, долге и чести, справедливости и т. д. Любой переход условно принятой границы во взаимных отношениях порождал насилие, что и находило отражение в фольклоре, например в пословицах-угрозах. Самосознание крестьян, нередко генерировавшее «храбрость безнадежных», и убеждение помещика в исключительных правах на «крещеную собственность» в определенные моменты входили в неразрешимое противоречие, что приводило к кровопролитию. Крестьяне действовали исходя из принципа «чей день — завтра, а наш — сегодня». По мнению историка Н. И. Павленко, что отчетливо понимали, что «живой барин непременно бы предъявил свои права на крепостного крестьянина. Более того, живой барин мог предъявить иск за разграбленное в имении имущество, скот, за сожженную усадьбу и т. д. Поэтому рубили под корень — не только главу семьи, но и его супругу, детей и даже гувернанток».²⁸

Неспокойные, полные трагизма и кровавых событий XVII и XVIII века (отчасти к ним можно отнести и начало XIX в.) отразились в различных аспектах духовной культуры. Борьба притесняемых крестьян с помещиками стала одним из излюбленных сюжетов в фольклоре. Она не всегда сводилась к физическому насилию в ходе восстаний или разбойных нападений, часто она выливалась

²² Русский фольклор: хрестоматия для высш. пед. учеб. заведений. М.; Л., 1936. С. 311.

²³ К воле: Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

²⁴ Цит. по: Тарасов Б. Ю. Россия крепостная. М., 2011. С. 228.

²⁵ Соколов Ю. М. Указ. соч. С. 236.

²⁶ Белов И. Д. Указ. соч. С. 378.

²⁷ Там же.

²⁸ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 2003. С. 160.

в иные формы — обман, поджог, потраву, побег и т. д. Но в народной памяти в контексте социального антагонизма наиболее глубокий след оставили те события, в которых крестья-

нин становился вершителем судьбы помещика, решая вопрос о его жизни и смерти. Именно это и нашло отражение в народных пословицах-угрозах.

Vladimir A. Shapovalov

Doctor of Historical Sciences, Belgorod state national research university (Russia, Belgorod)
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Svetlana P. Shapovalova

Candidate of Historical Sciences, Belgorod state national research university (Russia, Belgorod)
E-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

«MUZHNIK IS A FOOL: PUNCH HIM AND HE'LL AXE YOU BACK» THREATS AGAINST THE LANDLORDS IN FOLK PROVERBS AND SAYINGS

The article offers an analysis of folk proverbs and sayings of the 17th–18th century containing threats against landlords in the context of the study of social and psychological antagonisms in the Russian countryside. The texts of these proverbs and sayings reflected the peasants' desire to break the bonds of serfdom, their hopes for a better life and social justice. At the same time there was a clear indication of the peasants' hidden wish to get even with their landlords, even though in that case they would have incurred a severe punishment. Some of the threat-proverbs originated, apparently, among the robbers' gangs. Proverbs and sayings containing threats against landlords are a valuable independent source for the study of the social psychology evolution of Russian peasantry, particularly for the study of aggressive behavior motivation during the anti-landlord riots or plundering raids.

Key words: *folk proverbs and sayings, threats, boyar, landlord, peasantry, folklore*

REFERENCES

- Ignatovich I. I. *Krestyanskoe dvizhenie v Rossii pervoy chetverti XIX veka* [The country movement in Russia the first quarter of the XIX century]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1963, 456 p. (in Russ.).
- Kostyukhin Ye. A. *Lektsii po russkomu folkloru* [Lectures on the Russian folklore]. Moscow: Drofa Publ., 2004, 334 p. (in Russ.).
- Materialy dlya istorii krepostnogo prava v Rossii: izvlechenie iz sekretnykh otchetov ministerstva vnutrennikh del za 1836-1856 gg.* [Materials for serfdom history in Russia: extraction from classified reports of the Ministry of Internal Affairs for 1836-1856]. Moscow: Gos. publ. hist. b-ka Russ. Publ., 2010, 240 p. (in Russ.).
- Mayers D. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg.: Piter Publ., 2011, 794 p. (in Russ.).
- Pavlenko N. I. *Yekaterina Velikaya (Seriya: «Zhizn zamechatelnykh lyudey»)* [Catherine the Great (Series: «Life of remarkable people»)]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003, 496 p.
- Propp V. Ya. *Folklor i deystvitelnost: izbr. st.* [Folklore and reality: chosen articles]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 327 p. (in Russ.).
- Putilov B. N. *Narodnaya kultura* [National culture]. St. Petersburg.: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, 464 p. (in Russ.).
- Pushkarev L. N. *Dukhovnyy mir russkogo krestyanina po poslovitsam XVII-XVIII vekov* [Inner world of the Russian peasant on proverbs of the XVII-XVIII centuries.]. Moscow: Nauka Publ., 1944, 192 p. (in Russ.).
- Russkie narodnye pesni, poslovitsy, pogovorki i zagadki* [Russian national songs, proverbs, sayings and riddles]. Pod. red. M. Bulatova. Moscow-Leningrad.: Detskaya literature Publ., 1941, 272 p. (in Russ.).
- Russkiy folklor: Khrestomatiya dlya vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Russian folklore: The anthology for the highest pedagogical educational institutions]. Sost. N. P. Andreev. Moscow-Leningrad.: Uchpedgiz Publ., 1936, 496 p. (in Russ.).
- Rybnikova M. A. *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1961, 230 p. (in Russ.).

Sokolov Yu. M. *Russkiy folklor* [Russian folklore]. Moscow: Mosc. Uni. Publ., 2007, 541 p. (in Russ.).

Tarasov B. Yu. *Rossiya krepostnaya* [Russia serf]. Moscow: Veche Publ., 2011, 316 p. (in Russ.).

Chicherov V. I. *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian national creativity]. M.: Mosc. Uni. Publ., 1959, 522 p. (in Russ.).

Shapovalov V. A. *Pomestnoe dvoryanstvo Yevropeyskoy Rossii v 50-90-e gg. XIX veka (po materialam tsentralno-chernozemnykh guberniy)* [Landed gentry of the European Russia in the 50-90th of the XIX century (on materials of Central Black Earth provinces)]. Belgorod: ID «Belgorod» Publ., 2014, 530 p. (in Russ.).

Shcherbatykh Yu. V. *Psikhologiya strakha* [Fear psychology]. Moscow: EKSMO-press, 1999, 414 p. (in Russ.).